

Отзыв официального оппонента на диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук Кадышевой Ольги Владимировны на тему «Нормативный регионализм в современном международном праве на примере права Евразийского экономического союза» по специальности 5.1.5 Международно-правовые науки

1. Актуальность проблематики, имеющей отношение к правовой системе Евразийского экономического союза (ЕАЭС), не вызывает сомнений. Во-первых, существует ряд вопросов практического характера, возникающих в деятельности Суда ЕАЭС, которые касаются исполнения его решений, целесообразности особых мнений, толкования положений о его юрисдикции и др. Во-вторых, существует более общий теоретический вопрос о природе права ЕАЭС, от решения которого зависит ответ на практические вопросы. В настоящее время эта природа выглядит неопределенной: Договор о ЕАЭС 2014 г. не содержит четких положений по этому поводу; Суд ЕАЭС избегает общих умозаключений и комментариев; а отечественную доктрину (К.Л. Чайка, А.С. Исполинов, Е.Б. Дьяченко, Д.Г. Колос, В.Х. Сейтимова и др.) в основном интересуют различные аспекты деятельности Суда. В связи с этим диссертация О.В. Кадышевой восполняет важный пробел, так как в ней *впервые* осуществлен системный анализ права ЕАЭС. Автор рассматривает источники права ЕАЭС, определяет его соотношение с общим правом, сравнивает его с правом Европейского союза (ЕС), рассматривает практику Суда ЕАЭС и проч.

В отличие от многих других исследований, посвященных праву ЕАЭС, данное исследование не ограничивается толкованием положений, закрепленных в Договоре о ЕАЭС и Статуте Суда ЕАЭС, но опирается на более широкий диапазон методов. О.В. Кадышева справедливо отмечает: «Европейский союз не является единственным примером, на который можно опираться при анализе этой проблематики, а во-вторых, было бы контрпродуктивно и неверно с методологической точки зрения измерять успешность интеграционных моделей путём их сравнения исключительно с ЕС и делать доктринальные обобщения о них, опираясь только на европейский опыт» (с. 10). В связи с этим она анализирует

концепции, отраженные в праве ЕАЭС, с использованием инструментария общего права; рассматривает факторы, обусловившие их содержание и эволюцию; а в некоторых случаях прибегает к политологическому и лингвистическому анализу. Все это придает диссертации большую методологическую ценность и задает новый стандарт и ориентир для других исследователей.

2. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, разбитых на параграфы, и заключения. Во введении автор формулирует положения, выносимые на защиту. Рассмотрим их. В *первом* положении автор обращает внимание на два обстоятельства: во-первых, термин «регионализм» утратил сугубо территориальное значение и стал применяться к соглашениям групп стран, имеющих общий интерес; во-вторых, регионализм перестал ассоциироваться исключительно с опытом ЕС и исходит из «множества модальностей регионального сотрудничества». С этим положением следует согласиться. Во *втором* положении автор указывает, что разнообразие и особенности правопорядков региональных организаций могут быть объяснены при помощи концепции нормативного регионализма, которая не использует идею автономности регионального права. Нормативный регионализм предполагает наличие особых норм и принципов, отказ от применения некоторых универсальных норм и принципов и наличие собственных источников права. Таким образом, автор проводит различие между автономными региональными порядками и порядками, не претендующими на автономность (то есть взаимодействующими с общим правом). К сожалению, это различие – очень важное в методологическом плане – не развивается в основном тексте исследования.

В *третьем* положении автор пишет, что в региональных порядках могут существовать собственные императивные нормы (*jus cogens*), а иерархия универсальных и региональных норм определяется отношением каждого конкретного регионального порядка. С этим положением следует согласиться. В *четвертом* положении автор допускает существование общих принципов права с ограниченной территориальной сферой действия и указывает, что они могут быть выявлены на основе практики, связанной с конкретным региональным договором или организацией. На мой взгляд, общие принципы регионального права могут

быть связаны не только с договором или организацией, но и с генезисом внутренних правовых систем государств-членов организации. Тем не менее, с этим положением также следует согласиться. В *пятом* положении автор пишет, что принципы регионального права могут использоваться для восполнения пробелов, но их использование «в качестве отдельного основания для судебного контроля правомерности нормативных актов институтов таких объединений и в качестве самостоятельного основания для ответственности государств — членов объединений применительно к общим принципам права в международном праве неизвестно». Этот тезис не совсем понятен – ведь в Решении по делу Кади против Совета и Комиссии от 3 сентября 2008 г. Суд ЕС сослался как раз на принципы права ЕС. Далее автор пишет, что общие принципы регионального права могут стоять выше нормативных актов региональной организации или договоров. В *шестом* положении автор пишет, что общие принципы, выделяемые Судом ЕАЭС, используются для толкования, а не для восполнения пробелов, но ситуация, возможно, измениться; автор также отмечает неразработанность методологии работы с этими принципами.

На мой взгляд, рассуждая о принципах регионального права, автор попадает в ловушку юридической полисемии: термин «принципы права» в рамках региональных правовых систем может обозначать сразу три разных феномена: во-первых, наиболее важные эксплицитные или имплицитные положения учредительных договоров, которые могут служить основанием для судебного контроля нормативных актов организации, приобретая таким образом характер региональных норм *jus cogens*¹; во-вторых, совпадающие принципы внутренних порядков, которые могут использоваться для восполнения пробелов в

¹ В Решении по делу Кади против Совета и Комиссии от 3 сентября 2008 г. Суд ЕС охарактеризовал основные права человека как «общие принципы» (пар. 283), «конституционные принципы» учредительных договоров (пар. 285), «основы коммунитарного порядка» (пар. 304). Данные принципы, таким образом, являются аналогом *основ конституционного строя*, то есть наиболее важных и не подлежащих пересмотру положений национальных конституций. Они имеют совершенно иную природу, чем принципы, указанные в ст. 38 (1) (с) Статута Международного Суда ООН. Данные принципы могут быть имплицитными, то есть синтезироваться в результате анализа положений учредительных актов. Примером может служить принцип институционального равновесия (см.: Решение Суда ЕС по делу Чернобыль (Парламент против Совета) от 22 мая 1990 г.).

региональном праве²; в-третьих, общепризнанные принципы международного права, упомянутые в п. 50 Статута Суда ЕАЭС, которые едва ли обладают большим правоприменительным потенциалом.

В *седьмом* положении автор пишет, что нормативный регионализм проявляется в локальной правосубъектности частных лиц в региональных правопорядках, которая возникает в силу того, что региональные нормативные акты непосредственно действуют в национальных правопорядках. Это положение сформулировано неудачно. Действие региональных актов в правопорядке РФ не наделяет граждан РФ правосубъектностью *в рамках правопорядка ЕАЭС*, так же как действие Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. не наделяет их правосубъектностью в рамках общего международного права. Правосубъектность в региональном порядке скорее возникает как следствие предоставления частным лицам права обращаться в Суд ЕАЭС, а применительно к ЕС – как следствие европейского гражданства. В *восьмом* положении постулируется возможность региональной правосубъектности частных лиц – в том числе потому, что «традиционный для международной правосубъектности критерий участия в создании норм международного права» не является определяющим. Это положение развивает предыдущее и с ним следует согласиться.

В *девятом* положении автор допускает оригинальность института международно-правовой ответственности в рамках региональных порядков. С этим положением можно согласиться, тем более что признание за Статьями об ответственности 2001 г. характера правового обычая не является бесспорным. В *десятом* положении автор пишет о необходимости создания эффективных механизмов устранения нарушений прав субъектов права ЕАЭС, в том числе

² В Решении по делу *Algera e.a. / Assemblée commune* от 12 июля 1957 г. Суд ЕС рассмотрел вопрос о трудовых правах сотрудников Секретариата Европейского объединения угля и стали и применил принцип, закрепленный в национальных порядках, согласно которому правомерный административный акт, предоставляющий субъективные права, не может быть отменен; необходимость обеспечения правовой определенности в данном случае превалирует над интересом администрации. Также см.: Решение Суда ЕС по делу *Brasserie du pêcheur / Bundesrepublik Deutschland et The Queen / Secretary of State for Transport, ex parte Factortame e.a.* от 5 марта 1996 г.

механизма возмещения ущерба, причиненного частным лицам. С этим положением следует согласиться – речь идет об одной из самых злободневных практических проблем. В *одиннадцатом* положении автор поднимает вопрос о присвоении противоправного поведения в контексте реализации соглашений, заключенных ЕАЭС и государствами-членами с третьими сторонами, и высказывается в пользу солидарной ответственности ЕАЭС и его членов. Это положение будет более подробно рассмотрено ниже.

В *двенадцатом* положении автор пишет: «Практика консультативных заключений органов международного правосудия, включая Суд ЕАЭС, ставит под сомнение представление о консультативной юрисдикции как дополнительной по отношению к юрисдикции по рассмотрению споров. Консультативная юрисдикция имеет огромный потенциал, однако эффективное использование этой юрисдикции зависит как от условий её реализации, изложенных в документах конкретного международного суда, так и от желания и умения всех заинтересованных сторон её использовать». Данное положение, на мой взгляд, носит слишком общий характер. В *тринадцатом* положении автор обосновывает важное значение консультативных заключений Суда ЕАЭС: они позволяют Суду выполнять его миссию, решают инструментальные задачи, служат основой для будущих правовых позиций и проч. С этим положением следует согласиться.

В *четырнадцатом* положении автор поднимает крайне дискуссионный вопрос об исполнении решений Суда ЕАЭС и ограничивается выводом о том, что суды интеграционных объединений и высшие национальные суды могут иметь разные представления о правовых последствиях решений судов интеграционных объединений. Данный вывод носит слишком общий и очевидный характер. В *пятнадцатом* положении автор пишет о том, что при осуществлении контроля за исполнением своих решений Суд ЕАЭС имеет возможность обратиться в Высший Евразийский экономический совет, но Суд демонстрирует желание изменить этот порядок (видимо, за счет признания обязанности национальных судов исполнять его решения). С данным выводом следует согласиться, но он, конечно, нуждается в развитии.

В целом, положения, выносимые на защиту, являются оригинальными, научно-значимыми, обоснованными, важными для дальнейшего развития теории и практики международного права. Их совокупность можно квалифицировать как научное достижение и одновременно как решение научной проблемы, имеющей важное политическое, социально-экономическое и культурное значение.

3. Перейдем к рассмотрению содержания работы. *Первая* глава называется «*Нормативный регионализм и международное право*». В пар. 1.1 и 1.2 автор объясняет смысл понятия «регионализм» (сотрудничество ограниченного круга государств), описывает преимущества регионального сотрудничества, отмечает эволюцию регионализма, выделяет его виды и основные черты региональных правопорядков (применение специальных норм и отказ от применения универсальных норм), останавливается на политических функциях регионализма и т.д. Таким образом, речь идет о введении в проблематику. Автор справедливо отмечает, что универсальный и региональный уровни международного права, как правило, анализируются параллельно, а не в их взаимоотношении друг с другом (с. 60). Автор не ограничивает сферу действия «нормативного регионализма» порядками интеграционных объединений, но считает, что он охватывает оговорки к конвенциям, сделанные государствами, относящимися к одному культурному сообществу, политические союзы, партикулярное обычное право и др. Довольно много внимания уделено докладу «Фрагментация международного права», подготовленному 2002–2006 гг. в рамках Комиссии международного права (КМП) исследовательской группой под председательством М. Коскенниemi.

Далее автор рассматривает соотношение между регионализмом и системой ООН (пар. 1.3) – речь идет о положениях Устава ООН, наделяющих региональные организации полномочиями по разрешению споров и применению силы, учете регионального фактора при проведении выборов должностных лиц ООН и проч. Этот анализ несколько размывает предмет исследования: по сути, автор рассматривает порядок реализации полномочий Совета Безопасности, а не функционирование региональных порядков как таковое.

Далее автор рассматривает нормативный регионализм в деятельности КМП (пар. 1.4) – в частности, позицию КМП по вопросу о существовании региональных

jus cogens. На самом деле, речь идет не о нормативном регионализме в деятельности КМП, а о позиции КМП по поводу некоторых проблем регионализма. Данный анализ завершается ссылкой на позицию Специального докладчика КМП (2019), который не стал утверждать, что международное право полностью отвергает концепцию региональных *jus cogens*, оставив тем самым пространство для дальнейших размышлений (с. 85). Автор объясняет причины такого осторожного подхода, но, к сожалению, не высказывает собственного мнения на этот счет. Далее автор пересказывает позицию КМП в отношении региональных общих принципов права: Комиссия фактически отказалась рассматривать этот вопрос в силу его дискуссионности, подготовив проекты выводов, которые не затрагивают общих принципов права с ограниченной сферой применения (с. 92). Так же, как и в предыдущем случае, автор не высказывает своего мнения.

Пар. 1.5 называется «Нормативный регионализм и региональные международные организации». Автор отмечает дефицит научных исследований, посвященных региональным организациям в целом, рассматривает историю этих организаций и выделяет две точки зрения в отношении их природы. Согласно одной точке зрения они являются «институционализированными площадками для сотрудничества»; согласно другой они должны соответствовать трем критериям, в том числе иметь общую цель и быть формально институционализированными (с. 95–96). Этот фрагмент диссертации вызывает вопросы. Во-первых, две точки зрения, выделенные автором, не противоречат друг другу, кроме того, непонятно, какой критерий для их выделения он использовал. Во-вторых, существуют иные подходы к определению природы региональных организаций. Я бы выделил три таких подхода. Концепция *форума* учитывает опыт международных конгрессов и рассматривает организацию как форму переговорного процесса, площадку, на которой происходит согласование воли государств и выработка общего решения. Организация не рассматривается как самостоятельный субъект: она является простым собранием государств, а ее решения являются международными договорами. Концепция *функционализма*, разработанная Д. Митрани и Э. Хаасом, исходит из того, что организация создается для решения неполитических проблем

и преодоления политических разногласий. В связи с этим она должна состоять из менеджеров и технократов. Организация может обладать любыми полномочиями, необходимыми для достижения ее целей; ее перспектива состоит в формировании нового сообщества. *Федерализм* и теории мирового государства исходят из того, что организация должна не объединять, а заменять государства-члены, используя для этого политические средства. Она должна опираться на общую волю населения и самостоятельно определять объем своих прав.

На мой взгляд, автору следовало бы рассмотреть эти концепции и использовать их для анализа природы ЕАЭС. Действительно, в отсутствие представления о природе организации и ее стратегических целях рассуждения о конкретных проблемах, возникающих в ее деятельности, становятся ненадежными спекуляциями: любое проявление политического волюнтаризма или даже недобросовестности может быть обосновано ссылками на политическую целесообразность и конъюнктуру, намерение учредителей и т.п.

Далее автор пишет, что региональные организации своим существованием бросают вызов ценностным основам современного международного права, в частности тем, которые связаны с универсальностью его норм (с. 102). Этот вывод – крайне интересен, но он сделан вскользь и нуждается в дальнейшем развитии. Проблема, конечно, состоит не только в «пространственном» конфликте между универсализмом и регионализмом, но и в конфликте на содержательном уровне – например, между ценностью суверенитета и ценностью прав человека. В конце концов система ООН не отрицает двусторонних соглашений, которые являются более древним проявлением партикуляризма, но которые сами по себе не рассматриваются как вызов ценностным основам международного права.

4. *Вторая* глава диссертации называется «*Региональные нормы как основа права ЕАЭС*». Автор указывает, что право ЕАЭС является правопорядком, то есть системой норм со своей иерархией, нормотворческими органами и судом, и раскрывает особенности его источников (пар. 1). В пар. 2 автор возвращается к вопросу о существовании региональных норм *jus cogens*: возможно, этот материал стоило объединить с материалом, изложенным в пар. 4 первой главы. Автор

цитирует ряд доктринальных позиций и в итоге допускает существование соответствующих норм, поскольку «международное сообщество становится все более гетерогенным», а региональные императивные нормы «могут сыграть конструктивную роль в современном международном праве» (с. 130–131). С этим выводом следует согласиться, хотя аргумент автора выглядит генетической ошибкой: дифференциация международного порядка автоматически не предполагает региональных норм *jus cogens* – возможно, доказательства их существования должны опираться либо на теорию договора, либо на теорию естественного права.

Во втором параграфе автор рассматривает место общих принципов права в правопорядке ЕАЭС. Автор описывает классический подход, согласно которому данные принципы представляют собой принципы, общие для национальных правовых систем, и подход советских авторов, отрицавших их самостоятельную нормативную природу. Автор пишет, что «общий» характер принципов предполагает их универсальность, что является препятствием для выделения общих принципов регионального права. На мой взгляд, как и в случае с нормами *jus cogens*, данное препятствие преодолимо: на самом деле признаком общих принципов права является не универсальность, а *всеобщность*, которая есть и у принципов общего права, и у принципов регионального права. Автор допускает существование региональных принципов, ссылаясь на «требование учитывать региональную специфику, которая в нормативном смысле означает наличие специальных норм (*lex specialis*)» (с. 144).

Далее автор рассматривает общие принципы права ЕС, отмечает сложность вопроса об их природе, но, к сожалению, не высказывает собственной позиции. Далее он рассматривает вопрос о месте общих принципов в праве ЕАЭС. С учетом некоторой неясности положений учредительных документов ЕАЭС ответить на данный вопрос непросто, в связи с чем «Суд ЕАЭС, так же как и Суд ЕС, не утруждает себя разработкой какой-либо методологии выявления этих принципов, предпочитая вместо этого декларирование их наличия» (с. 152). Дальше следует анализ практики Суда, в процессе которой были выявлены принципы пропорциональности, правовой определенности и др. Подводя итог, автор пишет:

«Если к совпадающим функциям можно отнести применение этих принципов для целей толкования и устранения пробелов, то использование этих принципов в качестве отдельного основания для судебного контроля правомерности нормативных актов институтов и в качестве самостоятельного основания для ответственности государств полностью неизвестно для общих принципов права в международном праве» (с. 158). Этот вывод вызывает некоторые сомнения: в Решении по делу танкера *Duzgit Integrity* от 5 сентября 2016 г. арбитражный суд использовал принцип пропорциональности в качестве отдельного основания для судебного контроля правоприменительных актов Сан-Томе и Принсипе, а в Решении по делу об охоте на китов в Антарктике от 31 марта 2014 г. Международный Суд ООН использовал этот же принцип в качестве основания для контроля правоприменительных актов Японии. Обе эти ситуации на первый взгляд отличаются от той, что имела место в деле Кади, поскольку суды применили принцип пропорциональности как имплицитный элемент соответствующих норм Конвенции по морскому праву 1982 г. и Конвенции по регулированию китобойного промысла 1946 г. – однако и Суд ЕС в деле Кади рассматривал нормы о правах человека как *элемент учредительных договоров*, а не как нормы, существующие отдельно от них.

В пар. 4 автор рассматривает возможность применения в рамках региональных порядков концепции публичного порядка. Автор определяет публичный порядок как совокупность обязательных норм, организующих жизнь в обществе в рамках государства (с. 161). Это несколько неточно: на самом деле обязательные нормы в контексте международного частного права – это так называемые (сверх) императивные нормы международного частного права. Публичный же порядок представляет собой *принципы права*, то есть более общие начала – отказ от применения обязательных норм отечественного права не обязательно означает посягательство на данные принципы. Как отмечает один из ведущих исследователей этого института А. Бушер: «Главная роль оговорки о публичном порядке состоит в охране существенных ценностей справедливости, которые лежат в основе правопорядка. Эти ценности закреплены в принципах, на основе которых

построено право страны суда».³ Однако идея автора о том, что концепция публичного порядка может использоваться в международном публичном праве при рассмотрении вопросов, связанных с взаимодействием региональных порядков или регионального порядка и общего права, выглядит верной и, как представляется, имеет большой потенциал.

Далее автор отмечает, что термин «международный публичный порядок» обычно ассоциируется с нормами *jus cogens* – и это, действительно, так: наиболее важные нормы международного права выполняют ту же функцию, что и принципы отечественного права в рамках международного частного права – они исключают применение несовместимых с ними норм низшего ранга. Автор, однако, не делает соответствующего вывода, хотя и останавливается буквально в шаге от него. Далее автор рассматривает практику Суда ЕС, связанную с применением этой категории, а после этого – практику Суда ЕАЭС. К сожалению, при освещении этого вопроса автор проигнорировал Консультативное заключение "О толковании статьи 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 года" от 20 июня 2011 г., в котором Экономический Суд СНГ рассмотрел вопрос о том, вправе ли суды государств-участников Соглашения отказывать в приведении в исполнение судебных решений по основаниям, не указанным в ст. 9, но предусмотренным в национальном законодательстве, в частности по мотивам противоречия публичному порядку.

5. Третья глава называется «Вопросы правосубъектности в праве ЕАЭС». Автор останавливается на общей дискуссии о правосубъектности индивидов в международном праве (пар. 3.1 и 3.2). Эта дискуссия хорошо известна. Автор делает вывод: «Как мы видим, в связи с резким усложнением международных отношений и повышением уровня их международно-правового регулирования традиционная дихотомия “субъект — объект” в современных условиях не может дать адекватного объяснения международной правосубъектности частных лиц» (с. 196–197). С этим выводом следует согласиться. Далее автор рассматривает правосубъектность частных лиц в региональных объединениях. Эта

³ *Bucher A. L'ordre public et le but social des lois en droit international prive. Recueil des cours de l'Academie de droit international de La Haye. 1993. T. 239. P. 26.*

правосубъектность, по его мнению, проявляется в прямом предоставлении прав и обязанностей, признании *locus standi* в органах организации и ответственности за нарушение права объединения. Автор приводит дела из практики Суда ЕС и Суда ЕАЭС, подтверждающие этот тезис (*Van Gend en Loos* и др.).

Пар. 4 называется «Парламентское нормотворчество и парламентский контроль как институциональная форма участия частных лиц в создании норм права интеграционных объединений». Автор отмечает высокую роль парламентаризма в функционировании региональных объединений и выделяет две его формы – деятельность и сотрудничество национальных парламентов в рамках региональной организации и деятельность парламентов, учрежденных в качестве органов региональной организации. Среди прочего, он освещает новые практики ЕС, связанные с предоставлением заключений национальных парламентов на проекты, подготовленные органами ЕС. Это довольно интересная и новая информация. Наконец, автор затрагивает чувствительный вопрос о парламентаризме в рамках ЕАЭС: как известно, Договор об учреждении ЕАЭС 2000 г. предусмотрел создание Межпарламентской Ассамблеи ЕАЭС, но Договор о ЕАЭС 2014 г. не предусматривает ни такого органа, ни участия национальных парламентов в деятельности ЕАЭС. Автор объясняет это тем, что «евразийская интеграция находится на начальном этапе своего формирования, в силу чего вопросы эффективного парламентского контроля на уровне ЕАЭС не рассматриваются в числе приоритетных и требующих быстрого решения» (с. 238).

6. Четвертая глава называется «Вопросы права международной ответственности и право ЕАЭС». Автор делает обзор института ответственности (пар. 4.1), констатирует существование специальных норм о ответственности, примером которых являются нормы права ВТО (пар. 4.2) и рассматривает вопрос об ответственности в праве ЕС, подчеркивая «упорное и полное неприятие правом ЕС любой формы самостоятельных действий (самозащиты или контрмер) со стороны европейских государств» (пар. 4.3). В пар. 4.4 рассматриваются вопросы ответственности в праве ЕАЭС. Автор отмечает наличие серьезных пробелов, например, Суд ЕАЭС не может рассматривать требования о возмещении вреда, но вправе лишь устанавливать факт нарушения обязательства, при этом нигде в

документах Союза не раскрывается, каким образом возмещается ущерб, возникший в результате противоправных актов органов Союза. Автор отмечает, что в отсутствие эффективного процессуального механизма возмещения вреда субъекты правопорядка ЕАЭС будут вынуждены использовать механизмы других порядков и признает эту ситуацию неудовлетворительной (с. 257). Возможно, автору стоило сформулировать конкретные предложения, касающиеся разработки соответствующего механизма. Другая проблема – отсутствие «категорического запрета на использование государствами — членами Союза контрмер для обеспечения выполнения другими государствами — членами ЕАЭС своих обязательств» (с. 258). Эту проблему, по мнению автора, может решить Суд ЕАЭС, который должен сослаться на цель создания единого рынка.

В пар. 4.5 автор пишет о смешанных соглашениях ЕАЭС с третьими странами и делает вывод о солидарной ответственности ЕАЭС и его членов за их неисполнение. По мнению автора, поскольку в процедуре заключения этих соглашений участвуют и Союз, и государства-члены, они не регулируются Конвенцией 1969 г. (с. 269). К сожалению, автор не раскрывает особенностей правового режима этих соглашений с точки зрения права международных договоров. Далее он подробно описывает смешанные соглашения ЕС, но также ограничивается выводом о том, что они представляют собой «своеобразную новаторскую практику», поскольку «не вписываются ни в одну из существующих категорий права международных договоров» (с. 276). Далее автор пишет, что для заявителя предпочтительней предъявлять иски из таких договоров и к государству, и к ЕАЭС: «полное возмещение может быть потребовано от любого из носителей этого обязательства, поскольку нарушение неделимых обязательств неизбежно приводит к общей ответственности за одно и то же противоправное деяние» (с. 281); по мнению автора, это напоминает режим солидарной ответственности.

Я несколько сомневаюсь в использовании этой аналогии. Предположим, что отдельное государство-член ЕАЭС нарушает ст. 1.8 Соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, согласно которой стороны обеспечивают конфиденциальность информации, предоставленной другой стороной, или ст. 1.13, согласно которой стороны должны своевременно публиковать свои нормативные

акты. Может ли Вьетнам в этой ситуации предъявить иск к ЕАЭС? Очевидно, что нет. На мой взгляд, смешанные соглашения являются «смешанными» не только с точки зрения субъектного состава, но и с точки зрения содержания – одни обязательства возлагаются на организацию, другие на государств-членов, третьи (возможно) и на организацию, и на государств-членов. Именно такой подход используется ЕС (как это отмечает автор на с. 282). Практика третейских групп ВТО, которые при рассмотрении споров с участием ЕС и его государств-членов возлагают ответственность на ЕС, а при рассмотрении споров с участием государств-членов ЕАЭС – на эти государства (а не на ЕАЭС), объясняется тем, что ЕАЭС не является членом ВТО и не обладает *locus standi* в процессах, организуемых под эгидой ОРС ВТО, – что *исключает саму постановку вопроса о солидарной ответственности*. В любом случае данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении и концептуализации.

7. Пятая глава называется «Суда ЕАЭС – институциональная основа для развития права ЕАЭС». В пар. 1 автор дает характеристику консультативной юрисдикции международных судов, рассматривает вопрос о юридической силе консультативных заключений и их инструментальную роль – в решении внутренних проблем организаций, разрешении споров и др. Автор также отмечает проблему политизации консультативной процедуры, приводя в качестве примера Заключение Международного Суда ООН о строительстве стены на оккупированной палестинской территории 2004 г. и несколько заключений Межамериканского суда по правам человека. Автор, по всей видимости, считает, что международные суды должны дистанцироваться от такого рода дел, то есть по возможности отказываться в их рассмотрении.

Мне сложно согласиться с этим тезисом. Во-первых, практически все вопросы, выносимые на рассмотрение Суда, имеют политический аспект, однако, как верно отметил Г. Лаутерпахт, «все конфликты в сфере международной политики могут быть сведены к контексту правового характера».⁴ Во-вторых, задача Суда состоит в том, чтобы дать совет ООН и ее органам – причем совет юридического характера,

⁴ *Lauterpacht H. The Function of Law in the International Community. Oxford: Clarendon Press, 1933. P. 164.*

включающий оценку вопросов ответственности и других чувствительных вопросов. Тот факт, что Израиль резко протестует против затрагивающих его консультативных заключений, не делает эти заключения *ultra virus*: Израиль подвергает сомнению любые акты, критикующие его политику в отношении оккупированной территории, в том числе резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, однако это не означает, что Совет Безопасности должен воздержаться от вынесения таких резолюций. В-третьих, ситуация, связанная с Палестиной, является политизированной не потому, что ее такой сделал Суд, а потому что она сопряжена с откровенными нарушениями важнейших принципов международного права. Рассмотрение этих нарушений, конечно же, является важной функцией Суда, от которой он не должен уклоняться.

Далее автор рассматривает консультативную юрисдикцию Суда ЕАЭС и отмечает вклад Суда в формирование «подходов к наднациональному регулированию и к особенностям правопорядка» ЕАЭС (с. 321) – именно Суд признал за правом Союза свойства прямого действия и непосредственного применения, констатировал его верховенство над правом государств-членов и сформулировал общие принципы права ЕАЭС. Далее автор отмечает, что у заключений Суда имеется «некая особая интерпретационная значимость (*res interpretata*)» (с. 323).

В пар. 2 автор останавливается на исполнении решений Суда ЕАЭС, признающих акты органов ЕАЭС несоответствующими праву ЕАЭС. Механизм исполнения этих решений страдает рядом недостатков, что неоднократно отмечалось в научной литературе. Основная проблема состоит в том, что оспоренные акты не отменяются автоматически и продолжают действовать до внесения в них изменений Комиссией. Эта позиция регионального законодателя обусловлена его реакцией на Решение по делу ООО «Южный Кузбасс» 2013 г., в котором Суд признал, что его решение влечет ничтожность акта Комиссии и действует *erga omnes*. Автор с пониманием относится к этому подходу, видя в нем сочетание элементов, присущих механизмам разрешения споров ВТО и Международного Суда ООН. Проблема, однако, состоит в том, что органы ВТО и Суд ООН рассматривают *межгосударственные споры* – предполагается, что у

выигравшей стороны имеются средства воздействия на нарушителя (например, в виде встречного приостановления уступок), в то время как у хозяйствующего субъекта, добившегося признания акта Комиссии несоответствующим праву ВТО, никаких иных средств защиты своих интересов нет.

Далее автор рассматривает вопрос о праве государства-члена или Суда ЕАЭС обратиться в Высший Евразийский экономический совет с целью принятия мер, связанных с исполнением решения Суда. Автор отмечает, что, так же как и в случае со ст. 94 Устава ООН, непонятно, вытекает ли из такого обращения обязанность Высшего совета принимать какое-либо решение по такому обращению или же у него есть дискреция в этом вопросе; кроме того, поскольку Совет принимает решения консенсусом, у каждого государства есть возможность «ветировать» его решение. В этом случае автор также с пониманием относится к позиции Суда и законодателя: по его мнению, «Суд учитывает отмеченную выше политизированность рассмотрения вопроса о неисполнении решений Суда на уровне Высшего совета и не хочет своими руками создавать невыгодный для себя прецедент с неясными для своих репутации и авторитета последствиями» (с. 342). В этом случае, однако, возникает вполне логичный вопрос: зачем вообще нужна норма, которую Суд боится применять?

Далее автор приводит критические позиции Д.Г. Колоса и П.П. Мысливского, но солидаризируется с подходом А.А. Федоцова, по мнению которого последнее слово в вопросе об исполнении решений Суда принадлежит Комиссии, поскольку такова – воля государств. Здесь в очередной раз возникает вопрос о критериях оценки правового регулирования. С одной стороны, при установлении содержания нормы права, действительно, необходимо руководствоваться намерением государств (хотя это не всегда предполагает приоритет буквального толкования). С другой стороны, норма должна также оцениваться на предмет ее соответствия целям интеграционного объединения и интересам частных лиц, которые, по идее, являются главными бенефициарами правопорядка ЕАЭС. Норма, не соответствующая этим целям и интересам, должна быть изменена, и задача исследователя состоит в том, чтобы предложить оптимальные варианты такого

изменения. Эти же критерии должны использоваться и для оценки вклада Суда ЕАЭС в развитие правопорядка ЕАЭС.

В пар. 3 автор рассматривает взаимодействие Суда ЕАЭС с конституционными судами и останавливается на вопросе о том, могут ли решения Суда ЕАЭС стать основанием для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам. В Определении от 10 февраля 2022 г. Конституционный Суд РФ счел, что отсутствие в ст. 311 (3) АПК РФ соответствующего основания пересмотра не нарушает Конституцию, поскольку акты Суда не обладают ретроактивным действием и не влекут прямых юридических последствий. Автор констатирует конфликтный потенциал этой проблемы, но не предлагает собственного решения.

8. Диссертация О.В. Кадышевой обладает несомненными достоинствами. Отмечу наиболее важные из них.

1) Анализ правопорядка ЕАЭС выполнен *на системном уровне*. Автор рассматривает природу этого правопорядка и его основные элементы, констатирует наиболее важные проблемы и исследует возможные варианты их решения, устанавливает связи этого правопорядка с общим правом и сравнивает его с другими региональными порядками. Как уже отмечалось, речь идет о *кардинально новом методологическом подходе, который задает новый стандарт исследований данной проблематики*.

2) Автор открывает для отечественной науки новые концепции и судебные решения и дает к ним точные и практически значимые комментарии. Большой интерес вызывают фрагменты диссертации, посвященные нормам *jus cogens* и общим принципам регионального права, участию национальных парламентов в деятельности региональных организаций, правосубъектности и ответственности в рамках региональных порядков, исполнению решений Суда ЕАЭС.

3) В диссертации использован большой круг источников, включающий работы отечественных и иностранных авторов (300 наименований), нормативные правовые акты (180), решения международных и национальных судов (около 80). Автор опирается не только на современные работы, посвященные злободневным проблемам, но и на классические труды по международному праву, что, с одной

стороны, делает его выводы более глубокими и фундированными, а, с другой стороны, актуализирует соответствующие труды.

4) Язык диссертации – профессиональный и одновременно живой и насыщенный: автор избегает схоластичных упражнений, громоздких формулировок и избыточного цитирования. Он умело сочетает анализ правовых актов, научных концепций и судебной практики, обеспечивая за счет этого *объемное* представление рассматриваемых проблем. Это касается не только основного текста диссертации, но и положений, выносимых на защиту – каждое из них представляет собой формулировку и решение важной научной проблемы.

9. Диссертации присущи и некоторые недостатки. Отмечу наиболее существенные.

1) Автор часто не излагает собственного мнения по поводу рассматриваемых проблем, ограничиваясь указанием на существование разных точек зрения, нечеткость договорных положений и т.п. Это касается природы региональных норм *jus cogens* и общих принципов права, механизма исполнения решений Суда ЕАЭС и некоторых других вопросов. В иных случаях он просто поддерживает существующую модель регулирования, отказываясь от рассмотрения вариантов ее усовершенствования со ссылкой на намерение законодателя.

2) Автор, по всей видимости, исходит из того, что главным фактором, определяющим деятельность региональных организаций, является интерес государств-членов, а основная задача региональных судов состоит в учете этого интереса. Этот подход имеет право на существование, но в пределе он является отрицанием ценностей справедливости и гуманности, имманентных международному праву. Кроме того, он сужает научную перспективу, так как автор отказывается от рассмотрения аргументов, основанных на учете интересов негосударственных акторов.

3) Автор отмечает дефицит сравнительных исследований нормативного регионализма и чрезмерный акцент на деятельности ЕС, но сам допускает эту ошибку. Он приводит много интересной информации, касающейся ЕС и ЕАЭС, рассматривает некоторые решения Межамериканского суда по правам человека, но уделяет мало внимания другим региональным организациям – прежде всего,

африканским и азиатским. Рассмотрение опыта некоторых из них – в том числе негативного – могло бы обогатить работу.

4) В работе присутствуют некоторые структурные недостатки. Так, в заглавии многих глав и параграфов упоминается ЕАЭС, однако материал, изложенный в них, включает обширные экскурсы в общую теорию международного права, анализ деятельности ООН, ЕС и ВТО и другую информацию, *не имеющую прямого отношения к ЕАЭС.*

10. Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение (*разработка концепции нормативного регионализма и ее использование для анализа нормативных правовых актов ЕАЭС и практики Суда ЕАЭС*), и изложены новые научно обоснованные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны (*решение проблем, связанных с действием в рамках региональных правопорядков норм *jus cogens* и общих принципов права, реализацией в рамках данных правопорядков специальных норм о международно-правовой ответственности, исполнением решений региональных международных судов и др.*).

Диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, а также свидетельствует о личном научном вкладе автора диссертации. В диссертации отсутствуют некорректные заимствования. Предложенные автором решения аргументированы. Основные научные результаты диссертации опубликованы в рецензируемых научных изданиях.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.5 Международно-правовые науки, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно

требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Ольга Владимировна Кадышева заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.5 Международно-правовые науки.

Официальный оппонент:
доктор юридических наук,
ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»

ТОЛСТЫХ Владислав Леонидович

Контактные данные:

тел.: 7 [REDACTED], e-mail: [REDACTED]

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс

Адрес места работы:

107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12,

Институт востоковедения Российской академии наук, Центр арабских и исламских исследований

Тел.: (495) 625-64-61; e-mail: office@ivran.ru

Подпись сотрудника ИВ РАН В.Л. Толстых удостоверяю:

